

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА О ЗАТЕРЯННЫХ МИРАХ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

Москва
2018

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
В35

Разработка серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Внутренние иллюстрации художника
Эдуарда Риу

Верн, Жюль.

В35 Путешествие к центру Земли / Жюль Верн ;
[пер. с фр. Н. Егорова]. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093267-2

Классический научно-фантастический роман о затерянном мире!

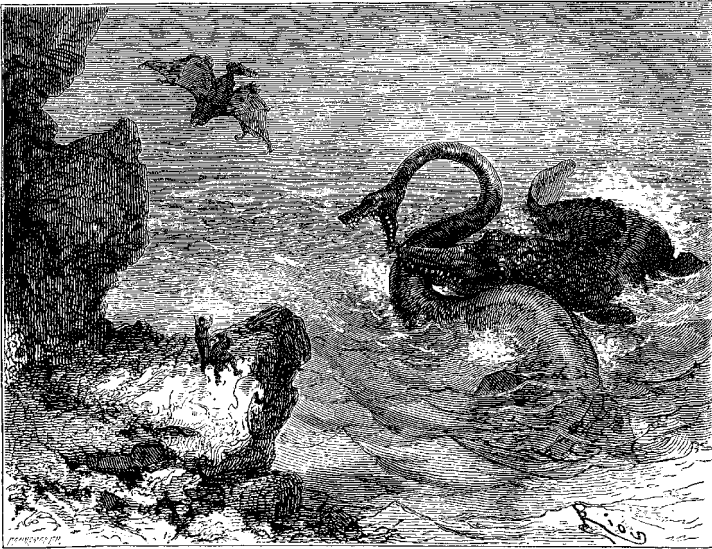
Отто Лиденброк, немецкий ученый, профессор геологии и минералогии, весной 1863 года находит в старинной исландской книге зашифрованный пергамент. В результате расшифровки выяснилось, что известный исландский ученый-алхимик XVI века якобы спускался в кратер потухшего вулкана и достиг центра Земли. Лиденброк решил воспользоваться указанными координатами и повторить подвиг древнего алхимика. Ни сам ученый, ни увязавшийся за ним племянник Аксель не подозревали, что их ждет впереди...

Роман был неоднократно экранизирован.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

© Н. Егоров, перевод, 1935
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-093267-2 ООО «Издательство «Э», 2018

1

В воскресенье 24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, быстрыми шагами подходил к своему домику номер 19 по Королевской улице — одной из самых старинных улиц древнего квартала Гамбурга.

Наша служанка Марта, наверное, подумала, что она запоздала с обедом, так как суп на плите лишь начинал закипать.

«Ну, — сказал я про себя, — если дядя голоден, то он, как человек нетерпеливый, устроит настоящий скандал».

— Вон уже и господин Лиденброк! — смущённо воскликнула Марта, приоткрыв слегка дверь столовой.

— Да, Марта, но суп может немного повариться, ведь ещё нет двух часов. В церкви Святого Михаила пробило только что половину второго.

— Так почему же господин Лиденброк уже возвращается?

— Он, вероятно, объяснит нам причину.

— Ну вот и он! Я бегу, господин Аксель, а вы его успокойте.

И Марта поспешила вернуться в свою кухонную лабораторию.

Я остался один. Успокаивать рассерженного профессора при моём несколько слабом характере было мне не по силам. Поэтому я собирался благоразумно удалиться наверх, в свою комнатку, как вдруг закричала входная дверь; ступени деревянной лестницы затрещали под длинными ногами, и хозяин дома, миновав столовую, быстро прошёл в свой рабочий кабинет.

На ходу он бросил в угол трость с набалдашником в виде шелкунчика, на стол — широкополую со взъерошенным ворсом шляпу и громко крикнул:

— Аксель, иди сюда!

Я не успел ещё сделать шага, как профессор в явном нетерпении снова позвал меня:

— Ну где же ты!

Я бросился со всех ног в кабинет моего грозного дядюшки. Отто Лиденброк — человек не злой, я охотно свидетельствую это, но если его характер не изменится, что едва ли вероятно, то он так и умрёт большим чудаком.

Отто Лиденброк был профессором в Иоганнеуме и читал лекции по минералогии, причём регулярно раз или два в течение часа выходил из терпения.

Отнюдь не потому, что его беспокоило, аккуратно ли посещают студенты его лекции, внимательно ли слушают их и делают ли успехи: этими мелочами он мало интересовался. Лекции его, согласно выражению немецкой философии, носили «субъективный» характер: он читал для себя, а не для других. Это был эгоистичный ученый, настоящий кладезь знания, однако издававший при малейшей попытке что-нибудь из него почерпнуть отчаянное скрипение — словом, скупец!

В Германии немало профессоров подобного рода.

Дядюшка, к сожалению, не отличался живостью речи, по крайней мере когда говорил публично, — а это прискорбный недостаток для оратора. И в самом деле, на своих лекциях в Иоганнеуме профессор часто внезапно останавливался; он боролся с упрямым словом, которое не хотело соскользнуть с его губ, с одним из тех слов, которые сопротивляются, разбухают и, наконец, срываются с уст в форме какого-нибудь — отнюдь не научного — бранного словечка! Отсюда и его крайняя раздражительность.

В минералогии существует много полугреческих, полулатинских названий, трудно произносимых, грубых терминов, которые ранят уста поэта. Я вовсе не хочу хулить эту науку. Но, право, самому гибкому языку позволительно заплетаться, когда ему приходится произносить такие, например, названия, как ромбоэдрическая кристаллизация, ретинасфальтовая смола, гелениты, фангазиты, молибдаты свинца, тунгстаты марганца, титанаты циркония.

В городе знали эти извинительные слабости моего дядюшки и злоупотребляли ими: подстерегали опасные моменты, выводили его из себя и смеялись над ним, что даже в Германии отнюдь не считается признаком хорошего тона. И если на лекциях Лиденброка всегда было много слушателей, то это только потому, что большинство их приходили лишь позабавиться благородным гневом профессора.

Как бы то ни было, но мой дядюшка — я особенно подчёркиваю это — был истинным учёным. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, все же дарование геолога в нём сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооружённый молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твердости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней.

Поэтому имя Лиденброка пользовалось заслуженной известностью в гимназиях и учёных обществах. Хемфри Дэви, Гумбольдт, Франклин и Сабин, будучи проездом в Гамбурге, не упускали случая сделать ему визит. Беккерель, Эбельмен, Брюстер, Дюма, Мильн-Эдвардс, Сент-Клер-Девиль охотно советовались с ним по животрепещущим вопросам химии. Эта наука была обязана ему значительными открытиями, и в 1853 году вышла в свет в Лейпциге книга профессора Отто Лиденброка под заглавием «Выс-

Теперь представьте себе его наружность...

шая кристаллография» — объёмистый труд in-folio¹ с рисунками; книга, однако, не окупила расходов по её изданию.

Кроме того, мой дядюшка был хранителем минералогического музея русского посланника Струве, ценной коллекции, пользовавшейся европейской известностью.

Таков был человек, звавший меня столь нетерпеливо. Теперь представьте себе его наружность: мужчина лет пятидесяти, высокого роста, худощавый, но обладавший железным здоровьем, по-юношески белокурый, выглядевший лет на десять моложе своего возраста. Его большие глаза так и бегали за стёклами внушительных очков; его длинный и тонкий нос походил на отточенный клинок; злые языки утверждали, что он намагничен и притягивает железные опилки... Сущая клевета! Он притягивал только табак, но, правду сказать, в большом количестве.

А если прибавить, что дядюшкин шаг, говоря с математической точностью, длиной равнялся полтуазу², и заметить, что на ходу он крепко сжимал кулаки — явный признак вспылчивого нрава, — то этих сведений будет достаточно для того, чтобы пропала всякая охота искать его общества.

Он жил на Королевской улице в собственном домике, построенном наполовину из дерева, наполовину из кирпича, с зубчатым фронтоном; дом стоял у излучины одного из каналов, которые пересекают

¹ Формат издания в 1/2 бумажного листа.

² Туаз равен 1,949 м.

Он жил на Королевской улице
в собственном домике...

самую старинную часть Гамбурга, счастливо пощаженную пожаром 1842 года.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим. Крыша на нём сидела криво, как шапочка на голове студента, состоящего членом Тугендбунда; отвесное положение его стен оставляло желать лучшего, но в общем дом держался стойко благодаря древнему вязу, подпиравшему его фасад и весной касавшемуся своими цветущими ветвями его окон.

Для немецкого профессора дядюшка был сравнительно богат. Дом, со всем содержащимся в нем и содержимым, был его полной собственностью. К содержимому следует отнести его крестницу Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде¹, служанку Марту и меня. В качестве племянника и сироты я стал главным помощником профессора в его научных опытах.

Признаюсь, я находил удовольствие в занятиях геологическими науками; в моих жилах текла кровь минералога, и я никогда не скучал в обществе моих драгоценных камней.

Впрочем, можно было счастливо жить в этом домике на Королевской улице, несмотря на вспыльчивый нрав его владельца, потому что последний, хотя и обращался со мною несколько грубо, всё же любил меня. Но этот человек не умел ждать и торопился обогнать даже природу.

¹ Местность близ Гамбурга.

В апреле месяце дядюшка обычно сажал в фаянсовые горшки в своей гостиной отростки резеды и выюнков, и затем каждое утро регулярно, не давая им покоя, он тербил их листочки, чтобы ускорить рост цветка.

Имея дело с таким оригиналом, ничего другого не оставалось, как повиноваться. Поэтому я поспешил в его кабинет.

Кабинет был настоящим музеем. Здесь находились все образцы минерального царства, снабжённые этикетками и разложенные в полном порядке по трем крупным разделам минералов: горючих, металлических и камневидных.

Как хорошо были знакомы мне эти безделушки минералогии! Как часто я, вместо того чтобы бездельничать с товарищами, находил удовольствие в том, что сметал пыль с этих графитов, антрацитов, лигнитов, каменных углей и торфов! А битумы, асфальт, органические соли — как тщательно их нужно было охранять от малейшей пылинки! А металлы, начиная с железа и кончая золотом, относительная ценность которых исчезала перед абсолютным равенством научных образцов! А все эти камни, которых достаточно было бы для того, чтобы заново построить целый дом на Королевской улице и даже с прекрасной комнатой вдобавок, в которой я мог бы так хорошо устроиться!

Однако, когда я вошёл в кабинет, я думал не об этих чудесах. Моя мысль была всецело поглощена дя-дюшкой. Он сидел в своём поместительном, обитом утрехтским бархатом кресле и держал в руках книгу, которую рассматривал в глубочайшем изумлении.

— Какая книга, какая книга! — восклицал он.

Этот возглас напомнил мне, что профессор Лиденброк время от времени становился библиоманом; но книга имела в его глазах ценность только в том случае, если она являлась такой редкостной, что её трудно было найти, или по крайней мере представляющей по своему содержанию какую-нибудь научную загадку.

— Ну, — сказал он, — разве ты не видишь? Это бесценное сокровище, я отрыл его утром в лавке еврея Гевелиуса.

— Великолепно! — ответил я с притворным восхищением.

И действительно, к чему столько шуму из-за старой книжонки в кожаном переплете, из-за старинной пожелтевшей книжки с выцветшими буквами?

Между тем профессорские восторженные восклицания не прекращались.

— Посмотрим! Ну разве это не прекрасно? — спрашивал он самого себя и тут же отвечал: — Да это прелесть что такое! А что за переплёт! Легко ли книга раскрывается? Ну конечно! её можно держать раскрытой на любой странице! Но хорошо ли она выглядит в закрытом виде? Отлично! Обложка книги и листы хорошо сброшюрованы, всё на месте, всё